

Неизбежность империи

Сборник статей по проблемам российской государственности. /Составление и вводная статья А.Савельев./ М.: Интеллект, 1996.

Электронная версия.

Цена: 50 р.

Покупка у составителя:
savliy@gmail.com

Ознакомительный фрагмент

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗГОВОРУ

Татьяна Филиппова, Дмитрий Олейников ТЕОРЕМЫ ИМПЕРИИ

Владимир Видеманн ДУХ И ПОЧВА РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Владимир Махнач ИМПЕРИИ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Андрей Кольев ИМПЕРИЯ — СУДЬБА РОССИИ

Арсений Гулыга ФОРМУЛЫ РУССКОЙ ИДЕИ

Игорь Артемов РОССИЯ: ИМПЕРИЯ ИЛИ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Андрей Хохлов ПРОЛЕГОМЕНЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Петр Хомяков ИМПЕРИИ НАЦИОНАЛЬНЫЕ И БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ

Леонтий Бызов РОССИЯ: ИМПЕРИЯ ИЛИ НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО?

Сергей Волков ТРАДИЦИОННАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ТОТАЛИТАРИЗМ

Азер Алиев В ПРЕДЧУВСТВИИ ИМПЕРИИ.

Сергей Пыхтин РЕВОЛЮЦИИ В СУДЬБЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Виктор Гуцин ИМПЕРСКИЙ МОТИВ В ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Петр Белов КРИЗИС ТЕОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Алексей Артемьев НАКАНУНЕ НОВОЙ ИМПЕРИИ

ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗГОВОРУ

Кому в России нужна империя? — спрашивает досужий публицист читателей столичной газеты. Ответ у публициста готов заранее — империя есть абсолютное зло, создаваемое войной

и ненавистью. Единственный пример, который публицист увидел в мировой истории — Советский Союз, ставший для него "империей зла", объектом ненависти всего "прогрессивного человечества".

Настоящий сборник — не только попытка ответить на вздорные, лживые рассуждения, призванные к тому, чтобы отвратить граждан России от государственного строительства, замкнуться в бытовых проблемах, отдав страну на поругание грызущимся между собой бюрократическим группировкам. Большинство статей, вошедших в сборник "Неизбежность империи", возвращает нас к прагматическому подходу в решении ключевых общенациональных проблем России, проясняет первоначальный смысл слов, снимает с них налет марксистской и "демократической" пропаганды.

Читатель увидит в статьях, написанных профессионалами своего дела, историческое, политическое, философское обоснование Империи, как наиболее яркого и прогрессивного явления в процессе развития мировой цивилизации, а в особенности — в развитии России.

При определенном различии высказанных авторами позиций они едины в том, что имперский порядок управления в своем неискаженном варианте служит ответом на вызов времени, признаком национальной зрелости. В то же время Империя становится болезнью государственности, утрачивая стратегическое целеполагание власти, национальный характер власти.

Модель Империи предполагает главенство государствообразующей нации, консолидирующей живущие совместно с ней этносы, сохраняющие под ее защитой свое этническое своеобразие. Для России имперская модель предполагает, что в центре государственного строительства стоит русская нация — единственный источник общегосударственной культуры, способной успешно конкурировать с культурами других цивилизаций и выстоять перед культурной экспансией ведущих мировых держав.

Отказ от имперскости для России означает скорое прекращение существования русской нации, а значит и обрушение российской государственности в целом, превращение территории России в "большие Балканы", где схлестнутся в своих амбициях не только местные удельные князьки, но и интересы мировых цивилизаций, стремящихся к контролю за сырьевыми богатствами некогда сильного государства.

Режим правления в имперской модели неизбежно имеет авторитарный характер, который снимает расточительные в условиях кризиса государственности и беспрерывных локальных (а тем более, глобальных) войн нелепицы дурного парламентаризма, а в условиях мира и стабильности — чутко прислушивается к общественному мнению и рекомендациям лучших умов страны. В этом смысле Империя вовсе не противоречит демократии в ее национальных формах.

Катастрофа государственности наступает в том случае, когда бюрократическая власть в союзе с интернационалистской интеллигенцией пытается навязать народу "общечеловеческий" путь развития. Такая "демократия" разрушила Российскую империю в начале XX века и существенно подорвала перспективы России в конце века.

Страх перед жесткими методами управления понятен. Народы России не раз испытали на себе эту жесткость, корчевавшую правых и виноватых, без жалости вычерпывающую ресурсы нации. Но этот страх порожден свирепостью безнациональной власти, которая не могла и не хотела учитывать стратегические цели и высшие ценности.

* * *

Большинство авторов настоящего сборника входят в состав аналитического СВР-центра и в свое время принимало участие в создании "Манифеста возрождения России".

Настоящий сборник можно считать продолжением этой работы. Мы приглашаем в клуб "Империя" тех, кто готов к серьезным размышлениям над концепциями современной российской государственности, основанными на историческом пути России и уверенности в ее

будущем величии.

Андрей Савельев,
редактор-составитель сборника

ТЕОРЕМЫ ИМПЕРИИ

ФОРМА

ТЕЗИС: Империя - замкнутая вселенная, которая способна трансформировать свое содержание, не меняя сущности, а потому может быть исследована только находящимся вне ее исследователем.

АНТИТЕЗИС: Империя - открытая система, испытывающая сильные внешние воздействия, а потому существует возможность исследовать ее на любых уровнях и в любой степени приближения: она изначально открыта исследователю.

СИНТЕЗ: В соотношении с мировым сообществом империя и как замкнутая вселенная и как открытая система познаваема, но не контролируема, а потому должна исследоваться в интересах этого сообщества.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕЗИС: Империя неизбежно неоднородна, она имеет центр и окраины, в том числе и внутренние. Интересы окраины неизбежно подчиняются интересам центра.

АНТИТЕЗИС: Империя есть монада, а потому центр стремится выразить интересы всей империи, как целого, претендуя на то, что целое лучше знает интересы своих частей.

Татьяна Александровна Филиппова, кандидат исторических наук, автор серии статей по истории русского либерализма и консерватизма, монографии "Родословная российской свободы" (совместно с С. С. Сегириным).

Дмитрий Иванович Олейников, кандидат исторических наук, специалист по проблемам западничества в русской истории, автор серии статей по истории Кавказской войны.

СИНТЕЗ: Сверху вниз (по линии центр-краины и государственная власть - социум) империя едина; снизу вверх она дробна. Задача исследователя - выявлять существующие на этой линии противоречия и находить способы их снятия.

СУЩНОСТЬ

ТЕЗИС: Сущность империи - абсолютная правда власти (*imperiū*), ибо бремя этой власти изначально и по определению было передано народом непосредственно императору.

АНТИТЕЗИС: Империя - высшая форма свободы, ибо снимет с народа моральную и культурную тяжесть принятия политических решений, расширяя пространство для любой другой деятельности. (Культурные взлеты, приходящиеся на эпохи расцвета империй, происходят не вопреки - как это кажется - а благодаря имперской государственности.)

СИНТЕЗ: Свобода общества в империи достигается *"замораживанием сверху"*; создается прочная, но не гибкая структура, которая способна отражать слабые внешние воздействия, а при сильных потрясениях раскалывается. Задача исследователя - выявить рисунок *"кристаллической решетки"* имперской государственности и установить предел напряжения ее узлов.

MORALE

Империя на восходящей к идеалу линии (как имперское в природе власти) -

¹ Татьяна Александровна Филиппова, кандидат исторических наук, автор серии статей по истории русского либерализма и консерватизма, монографии "Родословная российской свободы" (совместно с С.С.Сегириным).

Дмитрий Иванович Олейников, кандидат исторических наук, специалист по проблемам западничества в русской истории, автор серии статей по истории Кавказской войны.

мощный стимул исторического развития, ответ на вызов времени, проявление зрелого государственного целеполагания, признак взросления нации; империя как достигаемое становится фактором торможения, болезнью государственности, историческим эфемером, Готовящим почву для произрастания новых форм социума.

Бодрым зачитанием этих тезисов в августе 1994 года мы начали наше совместное выступление в городе Казани на Российско-американском семинаре, посвященном вопросам империи. Американские коллеги сначала покривились от явной гегельянщины формы, потом, правда, просили дать "списать слова"...

Тогда нам казалось возможным рационалистически четко раскладывать по тезисам главные проблемы имперства как особой природы власти и организации пространства. Это было допустимо, пока речь шла о некоей идеальной имперской конструкции. Конкретная же империя - в особенности такая, как Российская - с неизбежностью задает исследователю свои, ни на что не похожие вопросы, или же (что еще сложнее) дает ответы, на которые он сам еще не придумал вопросов. Как далека проблема Империи от геометрической наглядности и ясности! *"Ах, если бы я только имел теоремы! Тогда бы я смог достаточно легко найти доказательства!"* - восклицал К.Риман.

Проблемность темы в значительной степени определяется размерами самого объекта. Империи (сколько бы им ни отпускала история времени) всегда жили и мыслили себя крупномасштабно. Все "рейхи", "поднебесные", "священные", "христианнейшие", "державные" и тому подобные государственные образования, вне зависимости от того, как долго над ними "не заходило солнце", отпускали себе millenium жизни - никак не меньше. Очевидно, рефлексия на тему расширяющегося пространства влияла на представление о времени, которое растущая Империя надеялась заполнить собой.

А посему отправимся к началу, то есть вспять. Это не слишком удобное, но вполне профессиональное для историка движение не может не выявить удивительного разнообразия того, что принято называть империями. Даже если отвлечься от конкретики баснословных империй типа египетской, ассиро-вавилонской или китайской - с их свирепой экзотикой или неподражаемой эстетикой государственности - то очень несхожими между собой предстанут и более привычные для исследовательского глаза Священная Римская, Британская, Французская, Российская империи. Однако их житель мог с уверенностью сказать самому себе, как Иосиф Бродский: "Ты в империи, друг!". Что-то в естестве (или протиеестественности?) самой империи не оставляло места для сомнений. А естество империи - власть. Особая природа этой власти. С изменений в этой природе и начинается любая империя. Это классика государственности. А что может быть классичнее латыни? Она-то и дает первое определение "imperiū" как высшей власти, *делегированной* народом правителю, власти диктатора в республике. Империя - слово и изобретение республиканское.

Тут-то и начинается имперская драма истории. Ведь у самого исторического рождения империи, как правило, стоит политический подлог. Даже современникам непросто бывало отличить "делегирование власти" от узурпации. Что уж говорить об историках!

За эту разновидность первородного греха империи приходится расплачиваться кровью: как своей, так и чужой (впрочем, "чужой" крови в Империи уже быть не может - все под Кесарем, даже если и *"в провинции, у моря"*). В этом смысле гибель Юлия Цезаря стала и символом "первой крови" рождающейся Империи, и стилизаторским жестом Истории - мистическим знаком драматической легитимности новой власти.

Но так ли сам по себе агрессивен и неожидан деспотизм, свойственный, с поправкой на степень просвещенности, любой имперской власти? Очевидно, дело в том, что ему предшествует, что способствует ему. Английский мыслитель Г.К.Честертон в начале XX века для определения деспотии как *"усталой демократии"*, во многом

предугадав механизм появления "злокачественных" империй тоталитарного образца. Именно "усталые демократии" (не как "народоправства", а как дряхлеющие и бездарные представительства) ответственны, по его мнению, за появление деспотий, то есть за ту ситуацию, *"когда общество, уже не способное к непрерывному бдению: по праву, названному ценой свободы, предпочитает, чтобы один в стране стерег спящий город..."* И все же имперское самосознание, во всей его державной мощи, всегда помнит об этой изначальной узурпации верховной власти (пусть и во благо обществу). А потому вожделеет интеллектуального и эстетического оправдания. Не оттого ли имперские эпохи в жизни государств дают миру такое количество востребованных талантов - историков, политиков, поэтов и художников - апологетов и хулителей империи, что в равной степени оказывается почетно и прибыльно для империи, их породившей. Ведь и Пушкин - *"певец империи и свободы"*, и Иосиф Бродский с его *"империя - страна для дураков"* - оба стали историческим оправданием культурной традиции, воплощенной в Российской империи. Российская империя как совокупное производное христианской миссии, географической специфики и потребностей обороны закономерно формировалась в непрерывном расширении. Но поскольку не всякая экспансия и не всегда создает империю, то все дело - в природе того государственного организма, в котором завелся (или генетически имелся) имперский вирус. Важно отследить тот момент, когда он поражает организм или меняет его природу. Ведь и завоевание немцами славян, и ассимиляция славянами угро-финнов не приводили еще к рождению империй. Только геополитический скачок в сочетании с политико-культурными особенностями данного сообщества создают феномен Империи. Или же, как писал Г.Федотов, *"выход государства, даже непрерывно растущего, из его привычной геополитической сферы есть тот момент, когда количество переходит в качество: рождается не новая провинция, а Империя, с ее универсальным политическим самосознанием"*.

Может, "вирусная" метафора не слишком обаятельна, однако, похоже, целому ряду государств на роду суждено было "переболеть" имперскостью и обрести здоровый иммунитет к иным тяжелым социально-политическим испытаниям. Все дело в том, что и географическая экспансия, и отказ от имперских завоеваний должны происходить в жизни нации исторически вовремя. Занятную ситуацию убывания имперского импульса на фоне инерции территориального расширения дает пример России XIX века. При отсутствии полноценных военных побед (после удачной войны с турками 1823-1829 годов) Империя продолжала расти - непрерывно, натужно. Кавказ - Северная Персия - Туркестан - Манчжурия... Чем юго-восточнее, тем слабее сопротивление, тем бесславнее удовлетворение от побед...

Имперский задор, как юношеский темперамент, со временем проходит, а государственность обретает способность к зрелому целеполаганию, что нам и демонстрирует британский опыт. Историческая композиция начала XX века не дала России шанса достичь уровня имперского взросления в рамках политической культуры. — Реставрация" имперства в советских формах происходила уже за этими рамками.

Возможно, интереснее всего увидеть в империи не цель, но инструмент или форму. Именно потому, что в своем отечестве мы имеем интереснейший прецедент: историческое бытие двух разных империй, сменивших друг друга на одном геополитическом пространстве - Россию и СССР.

Империя осталась, а государственность сменилась. Не говорит ли это о том, что модель империи возникает явочным порядком, уже потом... Империю - как Империю - "специально" никто не строит, тем более по заранее известному плану. Это сейчас, бросая взгляд назад, мы можем размышлять о закономерностях имперства. И главная такая закономерность - территориальное расширение за счет сильной центральной власти. Самое главное условие для империи стать Империей - это правильно выбрать момент и направление этого расширения. А потому не является ли, скажем, Смута XVII века расплатой за неудачную попытку расширения в западном направлении? Мясорубка войн с

Турцией - следствием устойчивого стремления воплотить "грезу Империи" - увидеть крест на Святой Софии, объединяющий Европу и Азию? Можем ли мы найти момент, когда, как в век национализма, уже не факторы силы, а иные исторические ценности начинают диктовать государству новый, неимперский тип поведения? Ведь так случилось со многими европейскими (и не только) государствами: с конца XVII века идеи Просвещения позволили увидеть в культуре, национальном языке и самоуправлении нечто более важное, чем уют и относительное спокойствие "под крылом" сильной имперской власти. Так зародился конфликт двух этик: нравственный долг государственного служения по принципу "За Веру, Царя и Отечество", который нам дает имперское сознание, и моральный постулат справедливости национального государства, создающегося в борьбе с империями. Эта коллизия драматически сказалась на судьбах всех европейских стран, приведя к первой мировой войне, означавшей борьбу империй и наций. А со временем, на новом витке развития, тот же конфликт во многом послужил развалу и "советской империи".

Обратим внимание на интересную закономерность. В прошлом веке Германия была своего рода *"Антироссией"* - в том смысле, что Россия была едина и полиэтнична, а Германия разделена, но населена немцами. И если для немцев национальная идея означала объединение, то для России эта идея, последовательно проведенная, обернулась дезинтеграцией. Вот уж действительно, что для немца здорово, то для русского смерть. Заметим лишь, какой взрывоопасной силы смесь немецкого национализма (выродившегося в "зоологию" фашизма), с имперской идеей "третьего рейха". В СССР же космополитическая идея наднационального единства выродилась в партийную практику всеобщей унификации. Это усилило государство как механизм, и ослабило общество как организм. Ведь именно органика была свойственна имперскому расширению и бытию России. Национализм "сверху" разрушил империю в 1917 году, национализм "снизу" покончил с империей в 1991-м.

Очевидно, то, как рушится империя, зависит от того, как они строятся. Можно ведь взглянуть на дело и так: империя - продукт безразличия, вернее, сразу двух безразличий. С одной стороны - основной массы (для России это крестьяне, настолько погруженные в свой ежедневный многотрудный уклад, что им просто некогда следить за тем, что происходит наверху), с другой - духовно и материально свободной элиты (ей слишком часто безразлично, кому платить материальную и интеллектуальную дань). В этом случае мы получаем очень интересную структуру империи, когда центром ее становится личность монарха, а периферией, окраиной - люди, народ, земля... В этом смысле Тифлис, Одесса, Варшава наместников ближе к центру (и сердцу) империи, чем тверская или псковская глубинка.

Неудивительно, что природа российского имперства столь часто становилась предметом политических спекуляций - объект (и то, что от него ныне осталось) был и есть весьма сложен и противоречив. Тогдашним и будущим критикам *"империи - тюрьмы народов"* в свое время ответил Владимир Соловьев. *"Россия больше чем народ, она есть народ, собравший вокруг себя другие народы, - империя, обнимающая семью народов"*. Еще раньше гений своей эпохи написал об особом - вселенско-христианском - смысле российской государственности. Генрих Гейне, "Путешествие от Мюнхена до Генуи": *"...Россия - демократическое государство, я бы назвал ее даже христианским государством, если употреблять это столь часто извращаемое понятие в его лучшем космополитическом значении; ведь русские уже благодаря размерам своей страны свободны от узкосердечья языческого национализма..."* Это - о николаевском времени... Причудливое, но хорошо знакомое соотечественнику сочетание свободы и деспотизма в природе российской государственности сбивало с толку не только сторонних наблюдателей, но и участников событий. В отечественной истории слишком часто происходила путаница с "кесаревой" и "Божьей" долями - кому что воздавать. Византийская теократическая наследственность в сочетании с цезаризмом римской

традиции (и то, и другое - имперской природы) создали занятную ситуацию одновременного бытования крайних представлений об абсолютной правде государства и абсолютной греховности этого земного владения "князя тьмы", "империи зла".

Все опять-таки зависело от позиции наблюдателя: от того, смотрел ли он на мир из царского приказа или раскольничьего скита, либерального салона Милютиных или прямоухинской усадьбы Бакуниных, министерского департамента или народовольческого подполья.

Эта ситуация была куда трагичней, глубже и опаснее того, что принято называть "разделением путей" правительства и общества. Налицо - застарелый конфликт в самой душе русского человека, давний излом, искажавший представления о том, что *"такое хорошо, и что такое плохо"*. Ситуация, как написал когда-то Плотин, *"душа падает навзничь"*. Где исток этого разлома? В том числе не в вынужденном ли конформизме православной церкви, размышлявшей после монгольского нашествия о том, какую власть благословлять с амвона, и решившей помянуть сразу и ханов, и византийского императора?...

С течением времени эта ситуация закономерно "вывернется наизнанку": убедившись в своей "божественной" безнаказанности власть деловито "подправит" свои отношения с церковью созданием Святейшего Синода, низведя священнослужителей до роли чиновников по духовному ведомству, включив их в общий бюрократический *"орднунг"*. А чиновничеству жизненно необходимым станет жить с верой в непогрешимость светской власти - хотя бы со старательно изображаемой. Так имперская мистерия, начавшаяся темой Исхода (избавления от захватчика), завершилась стилизованной на немецкий лад исторической драмой нового Пленения. XX век разыграл этот классический сюжет в жанре жестокого фарса и в духе глумливого постмодерна.

Так "геометрия знания" со всеми своими теоремами оказывается не в состоянии сладить с душой человека. И все же... Может, образовав "магический квадрат" тезисов об империи, с которых начата статья, вместо некоей абстрактной "монады", стремящейся *выражать интересы всей империи, как целого*, стоит поставить в центр модели живого, чувствующего и размышляющего человека?: И тогда через императора или дехканина (право выбора сохраняется за исследователем) будут проходить линии напряжения империи, оборачиваясь то живительным, то опасным для жизни током исторических событий - не так ли, как происходит и "на самом деле"?

Какой жанр, стиль и сюжет предложит нам имперская наследственность в нас самих и в нашей государственности - историческая интуиция сможет подсказать это вернее, чем математический или политический расчет. Не понаслышке знавший о том, в какие грустные игры играют в империях и какие грандиозные трагедии даются на их подмостках, тот же Плотин писал в утешение их жителям: *"В подлинной драме, которой лишь подражают произведения драматургов, роль актера выполняет душа. Роль ей дается поэтом вселенной. Как актеры получают костюмы, ослепительные наряды или лохмотья, так и душа получает свою судьбу не случайно, а следуя плану вселенной. Если душа применяется к своей судьбе, она согласует свою игру со строем драмы и всемирным разумом"*.

Применимся ли? Согласуем?

ДУХ И ПОЧВА РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Определение государства в категориях Духа и Почвы

Всякое государство представляет собой форму организации социального порядка, содержание которого определяется солидаризирующими нацию принципами. Эти и принципы находят свое выражение как в духовной, так и в материальной жизни нации, представляясь в первом случае каноном традиции, в во втором - законодательным кодексом.

Государство, рассматриваемое как онтологический феномен, верхней границей своего бытия имеет Дух, откуда исходит сама идея государственности, тогда как его нижней границей будет Почва - территория, жизнь населения которой определяется данной государственной идеей. Таким образом, всякая государственность есть манифестация единения Духа и Почвы в знаках исторической традиции и актуального гражданского самосознания нации.

Если же говорить о Духе и Почве государства как не онтологического, а социального феномена, то в этом случае Почвой как легитимированным основанием последнего будет являться его законодательное начало, а Духом - иконический образ государственной идеи.

В знаках современной российской государственности такая Почва представляется текстом Конституции как законодательно артикулированного волеизъявления народа "*носителя суверенитета и единственного источника власти*" (Статья 3.1. Конституции Российской Федерации), тогда как Дух России воплощается в ее национальном гербе.

Конец ознакомительного фрагмента

² Владимир Видеманн, автор книги "Знаки империи" (Берлин, 1995) глава из которой представлена в настоящем сборнике в виде статьи.